

16+

Лариса Рубцова

Летняя история

Лариса Рубцова
Летняя история

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рубцова Л. А.

Летняя история / Л. А. Рубцова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Знойный денек, отходящий поезд, следователь по особо важным поручениям, дорожная встреча с сыном лучшего друга и удивительная история о таинственном убийстве зловредной старушки. На кону счастье и покой целой семьи. Неужели убийца кто-то из домашних? И постигнет ли его заслуженное наказание?

На привокзальной площади было как всегда шумно и многолюдно. Новенький паровоз стоял под парами. Разноцветные вагоны радовали глаз: синие – вагоны первого класса, сверкали свежей краской и блестящими новенькими колесами, желтые и вишневые, второго класса, были уже не столь новыми, кое-где потертыми и поцарапанными, со стоптанными ковриками на ступеньках, а зеленые, третьего, использовались, явно чаще остальных, но отмытые до идеальной чистоты, не уступали своим собратьям. До отправления оставалось каких-то полчаса. Следователь по особым поручениям Главного Управления Жандармерии Павел Петрович Якушев шел не спеша к вагону первого класса. Когда-то в молодости, будучи совсем юным городовым, он даже в мыслях не имел, что когда-нибудь сможет вот так ехать на поезде, да и поезда тогда еще не ходили. Чтобы выполнить очередное задание, приходилось добираться и на лошадях, и в санях, и в почтовых повозках, и наемных колясках, не взирая ни на снег, ни на дождь. Всякое бывало в насыщенной событиями жизни. С годами, он полюбил путешествовать с удобствами, если позволяли обстоятельства. Трудолюбие и неуемное любопытство помогли ему дослужиться до солидной должности следователя по особым поручениям. При этом он не утратил веры в людей, оставался спокойным, внимательным и уравновешенным, очень ценил жизнь, не только свою, но всех людей, с которыми волею случая, сводили обстоятельства. Дома и на службе к нему относились с уважением за его человеческие качества: он не стремился делать карьеру, не писал доносов, спокойно отдавал почести сослуживцам, стараясь держаться в тени. Важным для него оставалось всегда одно – знать правду. К своим наградам он не то чтобы был совсем равнодушен, но считал их просто итогом за выполненное поручение, не кичась и не выставляя напоказ. Получаемое жалование его вполне устраивало, оно позволяло жить удобно, не заботясь о мелочах. Вот и теперь, выполнив, как следует, весьма непростое задание по инспекции отдаленных губерний, он возвращался в столицу. Настроение было прекрасным. Наслаждаясь теплым вечером, огибая людское море, волнами наплывающее по перрону к вагонам, он с увлечением рассматривал сценки московской жизни.

Возле вагонов третьего класса была самая плотная толпа. Шла погрузка солдат под руководством бравого унтер-офицера. Какая-то толстая баба в цветастой юбке и такой же кофте что-то громко кричала городовому, который за ухо тащил сорванца лет одиннадцати, видимо пытавшегося что-то стянуть из кошелки толстухи, но был пойман с поличным. Другая тетка громко ругалась с носильщиком, заставляя его внести ее необъятные баулы в вагон. Студенты, стоявшие кучкой, громко смеялись, ожидая, когда же можно будет войти в вагон. Усталые семейные пары с бесчисленным количеством детей, плачущих и кричащих, постоянно дергающих своих матерей за руки. Шум стоял невообразимый. С трудом пробившись сквозь эту толпу, Павел Петрович стал обходить народ, спешащий занять свои места в вагонах второго класса. Здесь уже была другая публика. Средней руки купцы, с женами и детьми, разночинцы, барышни под присмотром своих матерей и теток бросающие украдкой взгляды на бравых офицеров, последние, в свою очередь, подкручивая усы, выпячивали награды и аксельбанты. Наконец, он подошел к своему вагону. У вагонов первого класса никакой толпы не наблюдалось. Да и в самом вагоне было совсем немного пассажиров. Мягкие диваны стояли поперек вагона лицом к лицу попарно у каждого окна. Оглядев своих попутчиков, Павел Петрович подумал, что если в последний момент, кто-нибудь не займет соседний диван, то за те почти двадцать часов пути, что идет поезд, он сможет выспаться как следует, ведь приятной компании для беседы пока не наблюдалось.

Методично разложив свои вещи, он устроился с большим удобством на мягком диване, обтянутом красным сафьяном, развернул газету и углубился в чтение.

– Добрый день. Извините за беспокойство. Видимо мы с Вами попутчики. Позвольте представиться, Головин Алексей Гаврилович. – Раздался приятный баритон.

– Несказанно рад, видеть Вас, Алесей Гаврилович! – Радостно произнес Павел Петрович, вставая с места, складывая газету и протягивая руку прибывшему.

– Павел Петрович! Какими судьбами? Счастлив видеть Вас в добром здравии!

Мужчины по-родственному обнялись, троекратно прижавшись щекой, друг к другу.

– Просто замечательно встретить такого попутчика! Я уж думал, что двадцать часов пути буду изрядно скучать. Как поживаете, Алексей Гаврилович?

– Благодарю Вас, все хорошо. Служба идет. Возвращаюсь в родную часть после командировки на Северный Кавказ. А как Ваши дела? Как жена? Как дети?

– Благодарю Вас, все замечательно. Я тоже возвращаюсь в родной город после длительной командировки по городам и весям. Дома не был почитай полгода. Устал. Но работа, есть работа. А Вы как долго отсутствовали?

– Да тоже, немало. Три года служил на Кавказе.

– Ну и как там? Непокойно?

– По-разному бывало.

Мужчины еще поговорили об обстановке на Северном Кавказе, о делах в губерниях, о семейных делах. Павел Петрович с удовольствием рассматривал сына своего давнего друга. Молодому человеку уже должно быть лет под тридцать. С последней встречи прошло как минимум шесть лет, за эти годы Алексей дослужился до звания капитана, стал серьезнее, в глазах появились настороженность и грусть. Как-то сразу становилось понятно, что на долю этого человека выпало немало испытаний и трудностей. В разговоре исчезла мальчишеская порывистость, он стал тщательно подбирать слова, стараясь как можно яснее высказать свою мысль. Все время смотрел собеседнику в глаза, чтобы убедиться, что его услышали и правильно поняли.

Они уже были в пути часа два, когда, наконец, все новости были пересказаны, обо всех общих знакомых было проговорено, Алексей посмотрел на своего собеседника каким-то особенным взглядом, видимо испытывая острое желание рассказать о чем-то необычном, но мучаясь сомнением, удобно ли это.

– Алеша, я вижу, что Вас мучает какая-то мысль. Вы не решаетесь поделиться со мной своими сомнениями. Прошу Вас, если Вы хотите рассказать мне нечто необычное, я с удовольствием выслушаю Вас. Если это в моих силах, то помогу Вам выпутаться из сложной ситуации. Не стесняйтесь, ведь Вы сын моего лучшего друга. В какой-то степени, мой крестник.

– Дорогой Павел Петрович, мне действительно не терпится рассказать Вам одну историю, которая приключилась со мной три года назад. Думаю, что только Вы сможете разобраться в этом деле. За эти три года, поверьте, я часто думал о Вас...

– Так в чем же дело? Я весь во внимании! Начинайте...

– ...То, что я собираюсь рассказать Вам, случилось летом 1864 года. Мне предстояло отправиться в длительную командировку на Северный Кавказ. А перед этим командование предоставило мне трехнедельный отпуск, чтобы я мог привести все свои дела в порядок. Приводить мне было особенно нечего в порядок, я решил провести эти три недели со своим другом – ротмистром Антоном Юрьевичем Сотниковым. Вы знаете о нем, видели его у моих родителей. Мы с ним дружны еще со времен учебы. Я заехал к нему на квартиру, собираясь пригласить его поохотиться. К моему разочарованию, Антон укладывал свой походный сундук. На мое предложение поехать вместе поохотиться, он сделал встречное предложение: "Лучше ты, поехали со мной. У меня есть две недели отпуска, потом я уезжаю служить в Крым. Так вот, давай проведем эти две недели в имении моей бабули Аглаи. У нее просто великолепно. Все имение расположено на острове между двумя притоками реки. Огромный дом, вкусная еда, рыбалка, охота, аппетитные селянки. Сто удовольствий за раз. Поехали, не пожалеешь! У Аглаи День Рождения, я всегда поздравляю ее. Она очень щедрая, еще ни разу не отпустила меня без кругленькой суммы. Ты не подумай, я к ней не ради денег еду, я ее, правда, люблю. Она веселая, любит шумные компании, сама суматошная и другим не мешает отдыхать, как нравится". Предложение было столь заманчивым, что я, долго не раздумывая, согласился. Вер-

нулся к себе на квартиру, быстро собрал свой баул, мы сели в почтовую карету и отправились поздравлять бабушку Аглаю с ее Днем Рождения, предварительно заехав в кондитерскую за модными пирожными с шоколадной начинкой. Они тогда только появились в нашем городе. Антон сказал, что бабуля – страшная сладкоежка, выбрал огромную красивую коробку, кондитер-француз разложил в ней штук десять разных пирожных, обернул коробку в золотую бумагу и перевязал алой лентой.

Я так подробно рассказываю, чтобы не упустить ни одной мелочи. Поверьте, Павел Петрович, за три года я старался вспомнить все, до самых незначительных мелочей.

– Это очень хорошо, Алеша. Это правильно. Я буду Вам благодарен, если Вы вспомните все самые мелкие подробности Вашей истории. Мне она представляется весьма непростой.

– Это так, Павел Петрович. Я продолжаю. В дороге мы были больше суток. Наконец приехали. Само имение находится в Карелии. Красота невероятная. Природа такая, что хочется говорить стихами! Озера с чистейшей водой, море цветов, самых разных, в глазах аж рябит, запах стоит такой, что голова кружится. Сосны подпирают небо. По бездонной синевы небу плывут барашки белоснежных облаков. Две нешироких речушки огибают остров. Остров похож на холм среди реки. На вершине холма стоит огромный трехэтажный бревенчатый дом, весь резной, как игрушка, с балкончиками, колоннами, портиками, в общем, дом Деда Мороза. Вокруг дома сады и рощи спускаются к реке, как бархатные покрывала. Остров не маленький, думаю, что из конца в конец можно часа за три на лошади пройти, да и поперек тоже двух часов мало будет. Ищу глазами мост, не вижу. "Моста нет". – Говорит Антон – " На остров можно добраться на лодке. Сейчас спустимся к реке, там как раз мужики ждут". И действительно, только мы прошли мимо высоких кустов сирени к пристани, а там нас уже поджидали два мужика на большой, я бы сказал, огромной лодке. Как только мы сели в лодку, я физически почувствовал себя в отпуске. Настроение сказочное. Смотрю на Антона, он как мальчишка, свесился с борта и брызгает на меня речной водой. Оба во все горло хохочем. Через несколько минут мы причалили к небольшой пристани на острове. Идем в гору, навстречу нам спускается какая-то женщина, в светлом, сером платье и чепце. Антон как ее увидел, так сразу спал с лица, скривился, как будто хину в рот засунул:

– Ну вот! Кажется, я тебе весь отпуск испорчу. – Как-то обреченно, тихо сказал он мне. – Видишь, идет нам на встречу? Я ее никак назвать не могу. По имени она Степанида. Прижи-валка моей двоюродной бабки Маргариты. На самом деле бабку зовут Фёкла, но она требует, чтобы ее все называли Марго. Прочитала в какой-то книге, что так звали французскую королеву, и решила, что это имя ей как нельзя кстати подходит. А эта Степанида, ее глаза и уши. Если бы можно было человека назвать плесенью, то эта карга, настоящая плесень. Берегись ее. А, впрочем, ты быстро это поймешь. Честно говоря, я надеялся, на этот раз Фёкла не приедет. Они в прошлый раз так сильно разругались с Аглаей, казалось – навсегда. Ан, нет, приперлась. Теперь жди беды.

– Ну, ты уж слишком! Мы с тобой боевые офицеры, нам ли бояться каких-то двух выживших из ума старух. Не смей меня.

– Мы с тобой вспомним этот разговор дней через пять. Ты мне потом скажешь свое мнение.

Между тем, Степанида семенила нам навстречу:

– Здравствуйте Батюшка, Антон Юрьевич! С приездом! Как похорошели! А возмужали, как! А кто это с Вами? Никак Ваш товарищ? Как же к Вам обращаться?

– Здравствуй Стеша. Это мой друг, Алексей Гаврилович Головин. Прошу любить и жаловать.

– Конечно-конечно! Этаким красавец! Женат ли? А невеста есть?

– Извините, мадам, я солдат. Пока что, мне не до семьи.

– Значит, ветреник. Надо предупредить Маргошу, чтобы поберегла Полинку. Не то закружит девке голову, а сам и уедет.

– Будьте спокойны, я не собираюсь кружить девушкам головы. Я приехал по приглашению Антона Юрьевича, погостить несколько дней.

– Вот, я и смотрю.

Каюсь, Павел Петрович, за те несколько минут, что мы общались со Степанидой, у меня возникло глубокое чувство брезгливости. Ростом невысокая, даже маленькая. На вид ей было лет пятьдесят – пятьдесят шесть, сухая, как высушенная коряга, лицо бесцветное, глаза водянистые, белесые, смотрит все время куда-то в переносицу, взгляда ее не поймать, носик остренький, на конце раздваивается, как будто две половинки склеивали, да они на конце разошлись. Из-под чепчика торчат седые букли неопрятного грязно-желтого цвета, как гнилая солома. Зубки мелкие, редкие. Вся какая-то фальшивая, улыбочка змеиная. Первое впечатление себя с лихвой оправдало. Эта Степанида шныряла всюду. Когда она спала, я так и не понял. Даже глубокой ночью, выйдя на двор, я несколько раз сталкивался с ней, то у дверей своей комнаты, то на лестнице, то во дворе.

В тот, первый день, я даже не догадывался, как две пожилые дамы, могут испортить людям жизнь. Но, обо всем по порядку.

Мы поднялись на холм к дому. На пороге нас встретила целая делегация. Антон познакомил меня сразу со всеми обитателями дома.

Аглая Никифоровна оказалась замечательной старушкой, радушной, веселой, очень неглупой. Её муж, Сергей Савельевич, был под стать жене. Никогда раньше мне не встречались такие любящие друг друга старики. Он называл ее "Душа моя", а она его "Мой свет, Сереженька". И это без всякой фальши, всегда с чувством и радостью.

Еще там гостили:

Брат Аглаи – Григорий Никифорович Зубов, шестидесяти пяти лет, с женой Натальей Петровной, их сын с женою, Зубовы Иван и Марья сорок пять и тридцать пять лет, и детьми пятнадцати и девяти лет. Ничего не могу сказать об этой семье. Видел я их мало и редко. За столом они всегда сидели молча, в общих разговорах не участвовали. Где и как проводили время дети, я понятия не имею. Один только Григорий Никифорович был многословен и громогласен.

Вторая сестра, Маргарита (Фекла) Никифоровна Самоедова, шестьдесят три года, ее падчерица, Полина Ивановна Самоедова, двадцати семи лет, уже знакомая нам приживалка Самоедовой, Степанида (Стеша) Козлова, пятидесяти восьми лет. О них я буду рассказывать во всю длину своей повести. В двух словах о них не объяснишь.

Третья сестра, Матрена Никифоровна Зубова, пятидесяти шести лет, молчаливая, неповоротливая, очень толстая, как квашня, вечно что-то жующая. Взгляд пустой, испуганный. Я ее только за обеденным столом и видел.

Второй брат, Лев Никифорович Зубов, пятидесяти лет, вечно навеселе. Мне кажется, что он как перекасти поле переезжает из одного дома в другой, нисколько о себе не заботясь. Приезжает, начинает, есть, пить и спать. На него все так и смотрят, как на домашнее животное: надо покормить, напоить и спать уложить. И видимо так всю его никчемную жизнь.

Четвертая сестра, Глафира Никифоровна Зубова, сорока семи лет, приехала вместе с доктором, Савиным Олегом Борисовичем, следом за нами, буквально через полчаса. Мы еще даже не ушли в дом. Она мне сразу понравилась, как и все Зубовы, невысокого роста, миловидная, светловолосая, ни одного седого волоса, на вид ей, ну, лет около сорока. Спокойная, но не медлительная. С Аглаей радостно расцеловалась, подробно рассказала о докторе, со старшим братом тоже обнялась по-родственному, а остальным только кивнула. Мне даже показалось, что с Феклой, она и здороваться не стала, только на Полину посмотрела долгим взглядом, как бы утверждаясь в какой-то своей мысли. Потом увидела нас с Антоном, подвела к нам доктора

и представила честь по чести. Доктор нам тоже сразу понравился. Лицо открытое, глаза светлые, лучистые. В разговоре доброжелательный и веселый. Мы его сразу безоговорочно приняли в свою компанию, хотя он старше нас лет на двадцать. Но так бывает, что обаятельный человек кажется без возраста в общении, забываешь, что он много старше.

Дом Сотниковых такой же светлый и радостный, как его хозяйева, строил его еще отец Аглаи, долго и насовесь, каждое бревно за сто прошедших лет не покрылось даже мелкими трещинками, не рассохлось, не потеряло сочного медового цвета. В доме уютно и тепло, вещи все капитальные, лавки и стулья дубовые резные, столы просто огромные, человек на двадцать, застеленные белоснежными скатертями, занавески на окнах расшитые диковинными вышивками. Иду, и глаз радуется. Антон предложил мне разместиться с ним в мезонине, все равно еще гости приедут, а там нам никто не помешает, я с радостью согласился. Мезонин располагается над третьим этажом в середине дома, у него большой балкон. Крыша, колонны и перила балкона, все резные, узорчатые, я просто залюбовался тонкой работой мастеров. С балкона видно весь остров на три стороны. Стою на балконе и пьянею от запахов леса и цветов, я не художник, но если бы мог, то рисовал бы эту красоту каждый день. Антон тоже в таком же состоянии. В таком месте все проблемы и невзгоды даже не вспоминаются. Разложили мы свои вещички, надели холщовые штаны и легкие рубахи, и решили спуститься к реке, искупаться.

Идем по тропинке, справа заросли малины, ягоды крупные сладкие, сами в ладонь скатываются, полакомились вдоволь, дальше смородина заманивает черными сережками. Запах смородины собрал, кажется всех насекомых: музыкантики, пчелы, осы, шмели, стрекозы, все жужжит, над кустами как марево от трепещущих крылышек. Наелись сладкой смородины, невозможно пройти мимо, тут же и спелый крыжовник царапает ноги и руки. Почувствовал я себя как в детстве. Ощущение незабываемое. Наконец спустились к реке, песчаная отмель полого уходит в воду. Окунулись в реку как в парное молоко, чуть дальше проплыли, а там ключи из-под земли бьют, ключевая вода в реку стекает. Попали в ледяную струю, и с хохотом на берег выскочили. Ну, думаю, такой отпуск – мечта любого солдата. Купались мы с Антоном, пока животы от голода не стали петь свои песни. Летом ночи короткие, их почти и не бывает. Вернулись в дом, а там все уже давно спать разошлись. На столе стоит огромное блюдо с пирогами и самовар пыхтит. Объевшись, отправились спать. На лестнице столкнулись со Степанидой. Она нам пропищала что-то едкое, но я, честно, даже и не расслышал, спать хотелось, просто сил нет.

На другой день мы встали поздно, уж очень спалось сладко и крепко. Все уже давно позавтракали и разбрелись по своим делам. Нам опять на столе оставили холодное вареное мясо, блины, сметану, мед.

В этот раз мы решили объехать остров на лошадях. Оседлали двух резвых жеребчиков и неспешно поехали на прогулку.

День пролетел незаметно. В маленькой деревеньке нас напоили парным молоком с пирожками, накормили ягодами и фруктами. Мы опять искупались в реке, и уже под вечер вернулись домой. Как раз успели застать на пороге родителей и сестру Антона. Я с ними уже был знаком, но Александра, так зовут сестру Антона, за истекшие несколько лет, превратилась из угловатого подростка в очаровательную девушку. Я смутился из-за своего вида, мятые холщовые штаны и крестьянская рубаша скорее всего меня никак не красили, но Шурочка, как ее все называют, не обратила на мой внешний вид никакого внимания. Она искренне обрадовалась мне и сразу же потребовала, чтобы мы завтра взяли ее с собой. Вечер прошел так же весело и душевно, как и день. Отпуск обещал быть самым счастливым в моей жизни.

На другое утро, я спустился вниз, когда Антон еще спал. Во дворе на углу дома стояла бочка литров на двести, доверху полная дождевой водой. Я зачерпнул ладонью мелких насекомых, плавающих на поверхности, и выплеснул на землю, потом снял рубашу и с удовольствием умылся и вымылся по пояс холодной, еще не успевшей согреться на солнце водой.

– С добрым утром, Алексей Гаврилович! Как водичка?– Услышал я звонкий смех и голос Шурочки.

Меня трудно смутить, но я все же предпочитаю не появляться перед молоденькими девушками наполовину одетым.

– Доброе утро, Александра Юрьевна! Как спалось?

Шурочка, в легком утреннем платье, с живой розой в кудрявых волосах, жизнерадостно рассмеялась:

– Здесь всегда спится хорошо! Я люблю приезжать к бабушке Аглае. Мне у нее все нравится. Алексей Гаврилович, Вы не забыли, что сегодня возьмете меня с собой на прогулку? Я не хочу сохнуть от скуки в кругу божьих одуванчиков.

– Это кого ты называешь божьими одуванчиками?– внезапно раздался неприятный визгливый голос.

Мы оба вздрогнули и обернулись, на нас неприязненно смотрела Фёкла. Невысокая, худощавая, внешне похожая на мелкую собачонку-левретку. Злые глаза навывкате, щеки впалые,

губы узкие, длинные. Платье серенькое, бесформенное, накидка белого кружева и такой же чепец.

– Я образно пошутила, Марго.– Миротлюбиво сказала Шурочка.

– Куда это ты собралась с голым мужчиной?

– Почему это с голым?– Удивилась девушка.– Я собралась со своим братом и его другом прокатиться на лошадях. А что? Кто-то против?

– Это неприлично! Незамужней девушке кататься с мужчинами на лошадях! Я сейчас же обо всем расскажу твоей матери! Она плохо смотрит за тобой! А сейчас иди в дом! Нечего плясать на голого!

Во время этого разговора я натянул на себя рубаху:

– Извините, мадам! Но Александре Юрьевне ничто не угрожает в нашем обществе! Наоборот, смею Вас заверить, что с нами ей быть гораздо безопаснее, чем в другом месте.

– Кого это Вы имеете в виду, милостивый государь? Уж не меня ли? Александра, иди в дом, там тебя Полина ждет. Я считаю, что ты должна быть больше с нею, чем цепляться к мужчинам!

Шурочка развернулась и ушла в дом, раздраженно вытащив из волос розу, и бросив ее на землю. Старуха пошла следом за ней, продолжая читать нотацию. Я зачем-то поднял цветок, запах садовой розы очень сильный, одновременно сладкий маслянисто-медовый. В раздумье я поднялся к себе в мезонин и поставил розу в стакан с водой. Антон как раз проснулся, и сладко потягивался:

– Ты чего такой смурной? Или утро не солнечное? Или что случилось?

– Доброе утро. Все прекрасно, просто пообщался с Фёклой. Как помоев наелся...

– Это она тебе розу подарила?– Шутливо спросил Антон.

– Нет, что ты! Не дай Бог! Это Александра уронила, а я поднял, сам не знаю зачем...

Фекла мне все настроение испортила...

Я пересказал Антону весь разговор. Он расхохотался:

– Бедная Шурочка! Надо ее скорее увезти, иначе Фёкла ей всю плешь проест. Представляешь, каково Полине? Она падчерица Фёклы, деваться ей некуда..., Страшно подумать.... Хотя девица и сама какая-то малахольная. Я пробовал с ней общаться... н-да... не самые приятные воспоминания. Но ничего! Сейчас умоюсь.... Позавтракаем.... Украдем Шурочку.... И на прогулку.... До вечера... Она с родителями уезжает в заграницу, сразу после Дня Рождения Аглаи. Так что пару дней придется пореже бывать дома... Я тебе потом расскажу...

Спускаясь по ступенькам лестницы, мы еще на втором этаже услышали, как разоряется Фёкла, ее визгливый голос просто резал уши. Она выговаривала одновременно Шурочке и ее матери о недостойном поведении девушки и меня, как гостя. Антон посмотрел на меня с усмешкой:

– Ну! Как тебе моя двоюродная бабка? Не правда ли, впечатляет? Ну, ничего! Это мы сейчас исправим. Наверное.

– Доброе утро, всем!– Жизнерадостно и громко поздоровался Антон.

Все сидящие за столом наперебой стали с ним здороваться. Фёкла поджала губы, и злобно посмотрела на своего внука, не удостоив его ответом. А вот ее приживалка, Степанида, заголосила:

– Доброе утро, батюшка, Антон Юрьевич! Соколик наш! Как почивали? Я Вам сейчас чашечку принесу, для чаю!

– Спасибо, Степанида! Мы с Алексеем Гавриловичем найдем, чем полакомиться у бабушки Аглаи.

Мы сели к столу, и служанка поставила перед нами столовые приборы. Во время завтрака Фёкла еще порывалась устроить скандал, но Антон, видимо хорошо зная ее повадки, не дал

ей разгуляться в свое удовольствие. Как только мы плотно закусили, он громко сказал, повернувшись к Александре:

– Ты же собиралась с нами на конную прогулку! Чего же ты вырядилась в такое платье? Иди, надень что-нибудь более подходящее! Вдруг мы опять на дерево залезем? Помнишь, как нас обыскали до самой ночи, а мы на высоком дубу сидели, ни звука не произнеся?

– Помню, конечно, нас потом на колени в угол поставили. Мужики уже всю реку на лодках проплыли, думали, что мы утонули.– Смеясь, отвечала Шурочка.– Сейчас пойду, переоденусь. Вы же меня подождете? Я мигом.

– Никуда ты не поедешь!– Опять завела свою песню Фёкла.– Я тебе битый час о том говорю! Ольга! Я тебе сколько раз говорила, что ты плохо воспитываешь свою дочь! Ей семнадцать лет, а она к неженатым мужчинам липнет! Вся в мать и бабу Аглаю! Вон, моя Поинка, сидит скромно, и ни о чем не помышляет! Вот, что значит, хорошее воспитание!

Она бы ни за что не замолчала, но тут Аглая ее перебила, и как ни в чем не бывало, говорит:

– А это хорошая мысль! Я тоже хочу на конную прогулку! Я уже года два на лошадь не садилась. Свет мой, Сереженька! Прикажи и для нас с тобой смирных лошадок оседлать! Олюшка, а ты отважишься с нами прокатиться? Может еще, кто хочет?

– Мы бы с Олегом Борисовичем тоже непрочь тряхнуть стариной.– Неожиданно проговорила Глафира Никифоровна.– Уж очень здесь красивые места. Да и ягоды в лесу как раз сладким соком наполнились. С куста то оно всяко слаще будет!

– Ты, Оленька, поезжай. А я, пожалуй, дома останусь. От этой жары я совсем неважно себя чувствую. Пойду, посплю лучше.– Задумчиво проговорил Юрий Львович, и поцеловал жену в затылок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.